

На берегу леса

Денис Тихий

ФАНТАСТИКА

Розвет потянула люк спасательной капсулы, и он закрылся, оставив ее в глухом сумраке. «Прячусь в шкафу, как в детстве!» — подумала Розвет и всхлипнула.

Яхта «Триллброй» исправна, пятерым человекам и клиффу Чинчу, прибывшим к планете Гекта, ничего не грозит. Входной люк быстро зарос биопластиком, так что через мгновение его стало не разглядеть. Розвет лягнула пол и резко приказала:

— Поехали!

— Розвет, это Брой — я тут по железякам, — раздался мужской голос, которым говорил с человеками «Триллброй». — Хочешь просто посидеть в спасательной капсуле?

— Сбрось меня вниз! — криком скомандовала Розвет, утерев слезы.

— Ну-ну! Не надо кричать, — добродушно ответил Брой. — Давай лучше я сообщу клиффу, что у тебя проблемы.

— Три-семь-ноль-пять! Отставить! — крикнула Розвет и вытащила из кармана хаба-хабу, которую стащила из каюты Чинчу.

— Ладно, оставил, коль пароль знаешь, — примирительно сказал Брой и запустил протокол психологической помощи. — Послушай, я не очень разбираюсь в этих ваших человековских делах, я ведь космическая яхта, знаешь ли. Но, будь я человеком...

Розвет, не слушая задушевное увещевание Броя, тыкала пальцами в сенсорные отверстия хаба-хабы, удобные для щупальца клиффов, но не для нее. Хаба-хаба загудела и нарисовала в воздухе сияющий куб. Розвет надела очки, позволяющие видеть интерфейсы клиффовой техники, запустила руки внутрь куба и аккуратно переместила несколько полупрозрачных деталей.

— ...С кем в порту поговорить? С дозправочным ботом, что ли? Так они же вообще безмозглые: слить-долить, тангаж и рысканье — вот и все. А вам природа дала вторую сигнальную систему. И не просто так дала, а для того, чтобы вы вместе, понимаешь, Розвет, вместе искали выход. Такие вот дела, девочка...

Розвет вдавила фиолетовый шарик внутрь икосаэдра, и Брой на полуслове замолк.

— Сервисное меню, — распорядилась Розвет.

— Подтверждаю, — ответил Брой строго деловым голосом.

— Приготовить сброс спасательной капсулы номер восемь на планету.

— Принято. Готов к сбросу спасательной капсулы номер восемь на планету Гекта, пять троек зет эпсилон.

«Ты уверена в себе? Ты все продумала? У тебя все получится?» — мысленно спросила себя Розвет, вцепившись в хаба-хабу. Она вспомнила Чинчу, стоявшего посреди кают-компания. Мудрого Чинчу, похожего на пестрый куст актинии. «Что же до работы Розвет, то я... не впечатлен. Шаблонные протуберанцы второго порядка, ученические развертки, плоская фрактальность...» Слеза покатила по щеке. Она уверена. Она все продумала, у нее все получится!

— Сброс! — твердо приказала Розвет.

— Займите положение на полу для формирования защитного кокона, — штатно сообщил Брой. — Отсчет от пятидесяти. Пятьдесят, сорок девять, сорок восемь...

— Экстренный сброс! — выпалила Розвет, испугавшись, что клифф обнаружит ее бегство и заблокирует капсулу.

Ее с хрустом приложило к стене одновременно ухом и коленом. В глазах почернело, из легких выдало воздух, сердце затрепыхалось. В предобморочной тишине успела увидеть, как упругие нити биопластика выскочили из стен капсулы в попытке спасти ценный груз — ее, Розвет. Потом она отрубилась.

Жаба смотрела на Волата. Ее пасть топорщилась стрекалами, от которых руки покрывались волдырями. Липкий язык подрагивал, готовый поразить непрошеного гостя. Жаба моргнула, и Волат протянул руку глубже в гнездо — эта тварь видела только движущиеся объекты. До тугой грозди жабьей икры осталось совсем недалеко.

Лес готовился к отливу. Сворачивались над головой листья гигантских папоротников. Замшелые кочки вспыхивали россыпями цветов, пухли лаковые шляпки грибов, раскрывались, как оригами, щупальца полипов.

Жаба снова мигнула, и Волат ухватил одну из трех икряных кладок. Забирать всё нельзя, не то жабы переберутся со своими гнездами на другое дерево и Тинке останется без лакомства. Волат посмотрел на спокойную жабу и перевел взгляд на небо — успеть бы до рассвета.

Плотные разноцветные тучи лежали, будто расплесканный по небу жидкий мармелад. Стая летучих рыб заложила крутой вираж над лесом, двигаясь стремительным зигзагом.

«Что их так напугало? — подумал Волат. — Ишь как юркнули! Скайхарадоны, что ли, безобразят?» Тут из набрякших туч и вывалилось то, что напугало летучих рыб. В первое мгновение Волат даже не сообразил, что же это такое.

«Эй! Тревога! Соберись, сопляк!» — рявкнул в голове Волата голос Сержанта, не беспокоивший уже давно.

Из прорыва туч далеко в глубь леса на оранжевых кольцевых парашютах опускалась спасательная капсула. Бабахнули тормозные пиропатроны, капсула скрылась за верхушками папоротников, а следом устремились летучие рыбы, решившие, что если уж она не охотится на них, то стоит попробовать поохотиться на нее.

Волат от ошеломления вскинул руки и тут же заорал от боли — древесная жаба наконец-то его увидела. Он скатился с дерева и оглянулся в поисках Тинке, которого оставил внизу два часа назад. Кота не было.

— Тинке! — крикнул Волат, озираясь по сторонам и закипая.

Тинке благопристойно сидел на валуне за его спиной и преданно тарасил обе пары изумрудных глаз. По его честной морде читалось, что с поста он никуда не отлучался.

— Нужно идти в лес! — сообщил Волат. — Прямо сейчас. Тинке облизнулся черным языком и повернулся к лесу задом. Он не желал идти в лес, когда до рассвета оставалось совсем недолго, он был умный кот.

«Пошевеливайся!» — прикрикнул Сержант. — «Без кота в лесу делать нечего», — осадил его Умник, еще один голос в голове Волата. — «Возьми его за шкурку и вперед!» — скомандовал Сержант. — «Заткнулся бы ты, Сержант, — урезонил его Волат, — пока я тебя не уговорю». — «Что? Неповиновение? Вздернуть на нее!» — крикнул Сержант, и Волат удивился: рей у них тут отродясь не было. — «Умник! Он может меня уговорить?» — спросил Сержант. — «Не знаю», — ответил Умник. — «Точно могу», — пообещал Волат.

— Послушай, Тинке... — Волат принялся уговаривать кота. — Там нужна помощь. — Если бы кто-то из твоих оказался в беде, ты бы помог?

Тинке фыркнул и помотал головой. Однажды он сожрал двух котят, собственных братьев. Чихать он хотел на родню.

— Икра... — намекнул Волат. Корыстный Тинке повернул голову, оценивающе посмотрев на Волата. — Три дня буду кормить икрой! — поклялся Волат.

Тинке лениво выгнул спину, поставил лапы на грудь Волата и мигнул сначала нижней, а потом верхней парой глаз.

— Идешь? — спросил Волат. Тинке ухмыльнулся. — Идешь?! — с напором повторил Волат.

Тинке фыркнул и побежал в сторону леса, тихонько хихикая над внезапной причудой Волата.

Розвет очнулась в коконе из биопластика. Она лежала на спине, а под боком оказалось что-то длинное и тяжелое — рука, которую она не чувствовала. «Сломала позвоночник!» — сверкнула страшная мысль. Но ничего она не сломала, а просто руки, и ноги, и голова, и вообще все тело отяжелели. Одна целая и две десятых г, против ноль-шести на «Триллиброе».

— Привет, это Трилли, — раздался женский голос. — Мы совершили посадку на планету Гекта, пять троек зет эpsilon. Спасательный маяк включен. Я отвечаю за тебя.

— Пить! — попросила Розвет.

— Аварийный паек, — ответила Трилли, и на стене засветился прямоугольник. — Хочешь пить, вставь в рот синюю трубку. Хочешь есть, вставь в рот красную трубку.

— Чем тут кормят? — Розвет прикинула, что на Гекте ей сидеть пару часов, пока за ней не прилетят.

— Не понимаю, — ответила Трилли.

— Что в красной трубке? — спросила Розвет.

— Хочешь есть, вставь в рот красную трубку, — ответила Трилли.

Розвет вытащила синюю трубку и насосалась воды. А в красной трубке оказался сладко-соленый клейстер, мерзкий на вкус. Розвет бросила трубки на пол, они втянулись в обшивку, как спагетти в рот.

— Хорошие новости! Сигнал SOS принят судном «Триллиброй», — отпартовала Трилли.

— Да неужели? — сказала Розвет. — И они, как пить дать, спешат на помощь?

— Хочешь пить, вставь в рот синюю трубку, — сказала Трилли. — Если хочешь есть...

— Когда они прилетят? — стукнула кулаком по полу Розвет.

— Время прибытия помощи — десять часов, — ответила Трилли. — Хочу тебя обрадовать, нам хватит припасов.

— Почему десять? — опешила Розвет.

— Не понимаю, — мягко сказала Трилли.

— Дура набитая!

— Мы не на орбите, — успокоила набитая дура Трилли. — Мы на планете Гекта пять троек зет эpsilon.

Розвет закрыла глаза. Десять часов! Она-то думала, что Чинчу сразу бросится за ней, а тут... Сбеги эта выскочка Клэр, мешкал бы клифф? Нет, это токсичные мысли и тупик мелкой зависти. Нужно собраться, если она хочет стать облачным скульптором. Десять часов нужны для маневра. Все так. Конечно, он любит ее, тоскует. Розвет захотелось включить хаба-хабу, чтобы связаться с клиффом.

— Что за бортом? — спросила Розвет.

— За бортом планета Гекта пять троек...

— Туда можно?

Розвет всегда хотелось взглянуть на чудесные тучи Гекты снизу. Никто не видел их отсюда, кроме нее, Розвет, девчонки, которая сорвалась, сбежала... так трогательно и взбалмошно... а потом нашлась... милая Розвет...

— Температура комфортная, — доложила Трилли. — Воздух пригоден. Крупных хищников нет. Настоятельно не рекомендую покидать спасательную капсулу.

— Выпусти меня! — крикнула Розвет.

— Не понимаю.

— Открой люк!

— Выравниваю давление, — ответила Трилли, и у Розвет заложило уши.

Снаружи было сумеречно, как под колпаком из радужного стекла. Капсула лежала в центре небольшой поляны, окруженной высокими деревьями. Розвет удивилась, как это удалось упасть так точно — не было видно ни одного поваленного дерева, только обуглился высокий мох на поляне. В лесу царило безветрие, но стволы деревьев тряслись, словно их испугало падение капсулы. «Здравствуй, Гекта! — раскинула руки в приветствии Розвет. — Надеюсь, ты поймешь мою печаль...»

Первый ряд деревьев стал волнообразно изгибаться. Было похоже на водоросли, колеблющиеся под водой. Розвет загляделась на этот прекрасный танец, как вдруг раздался оглушительный визг и деревья стали проваливаться под землю. Они втягивались с невероятной быстротой, взрываясь облаками пыли; пучки крон схлопывались, как веера. Густой лес выпадал фрагментами, словно осыпающаяся мозаика, обнажая пологие холмы. А в небе стремительно растворялись цветные облака. И навстречу солнцу лезла новая растительность — высокие клейкие стекляннистые стебли, увенчанные бирюзовыми шариками.

Розвет решила, что в спасательной капсуле грустить, пожалуй, уютнее, и обернулась. На месте капсулы распухал мохнатый холм. Полупрозрачные растения чернели и скрючивались, соприкасаясь с раскаленной обшивкой, а на их месте упрямо прорастали все новые и новые побеги.

Волат бежал, стараясь не терять из вида рыжий хвост Тинке. Стволы мелко подрагивали — верный признак скорого отлива. Главное, не попасть под проваливающиеся папоротники, чтобы не затянуло под землю. Единственная надежда — Тинке.

«Спасательная капсула!» — констатировал Сержант. — «Ты ожидал ее?» — спросил Умник. — «Да. Спасательная капсула — значит, люди терпят бедствие», — отчеканил Сержант. — «Выходит, люди остались! Чужаки не выбили всех!» — возликовал Умник. — «Идет война! Был орбитальный бой с Чужаками!» — заключил Сержант. — «На военную технику непохоже», — с сомнением заметил Волат. — «Не рассуждай! Просто вытащи их!» — гаркнул Сержант.

Увлечшись внутренним разговором, Волат не заметил, что Тинке остановился. И чуть было не налетел на кота. Тинке присел, поводит задом, ловко махнул на плечо Волату, откуда тут же перебрался на голову.

— Чего это еще? — озадачился Волат.

Кот сидел не шевелясь. Волат хотел было шагнуть дальше, но Тинке протестующе выпустил когти. Волат замер — рассчитывать можно было только на феноменальное кошачье чутье. Велено стоять — стой. В следующий миг раздался жуткий рев, и папоротниковые заросли прямо перед ним скрылись под землю, освободив длинную просеку. Тинке прыгнул и побежал вперед.

Бирюзовые шарики, когда Розвет к ним приближалась, стреляли в воздух сизым дымом. Стебли прилипали, свивались в упругие косы так, что она едва выдирала из них ботинки. Солнце немилосердно обрушивало с неба потоки сияющего света, перед глазами плавали черные пятна. Воздух дрожал, сизый дым окутывал лицо. Идти было тяжело и вязко, как в ночных кошмарах. Заросли были сначала по колено, затем по пояс, а потом уже и по плечи. Наконец она уткнулась в пышущий жаром холм, разгребла обугленные стебли, нащупала ряд горячих скоб, по которым вскарабкалась на макушку капсулы.

Дышать через респиратор стало невозможно, Розвет сорвала его. Там, где еще недавно стояли стеной деревья, теперь простирались бирюзовые холмы. Пахло едкими, дымными специями, но горлу было холодно, как от ментола. Розвет потянулась было за хаба-хабой, чтобы связаться с Чинчу, потому что все плохо, не до интриги и хитрого плана, но не смогла поднять руку — рука повисла, будто чужая. Потом отнялись ноги, Розвет потянуло куда-то вкось. Сквозь пелену знойного бирюзового тумана она увидела сияющую галлюцинацию — человека, спешащего к ней с ближайшего холма. И тут же упала, стукнувшись головой о раскаленную броню. Кто-то прыгнул ей на грудь, заглянул в лицо четырехглазой мордой и призывно заорал. «Все, сейчас сожрут», — вяло подумала Розвет.

На призыв явился кто-то большой. Он загородил ее от солнца и стал что-то говорить, но его слова разбухали в голове и ровным счетом ничего не означали. Большой бережно взял ее на руки и понес. Розвет прижалась к нему, как прижималась к Чинчу на релаксационных тренингах. Только Чинчу был мягкий и приятно пах, а этот был жесткий, колючий, мокрый и чем-то нестерпимо вонял.

«Не выживет, — изрек Умник. — Слишком много ожогов». — «Я воспользуюсь Корректором», — возразил Волат. — «Даже не пробуй. Очень разная генетика», — ответил Умник.

Они сделали невозможное: прошли лес днем, во время отлива, и вышли из него во время прилива. Увы, на обратном пути Тинке слишком долго искал проход в разросшейся дым-траве. А ведь мог свернуться клубочком, обрасти цистой, переждать. Нет, он добросовестно искал, нашел и вывел изможденного Волата на берег леса. Первый кот, поставивший нужду Волата выше своей жизни, а у Волата котов было немало. И вот теперь Тинке умирал.

Волат погладил черно-рыжую шерсть. Тинке откровенно приоткрыл единственный уцелевший глаз и беззвучно разинул пасть. Волат с котом на руках вышел из дома, прихватил по пути лопату и отправился к невысокому дубу. Положил дрожащего Тинке в сторонке и стал быстро рыть яму в красной маслянистой земле. Когда закончил, Тинке

был уже мертв. Волат положил кота на дно ямы и осторожно, руками, присыпал его землей. Сержант промычал похоронный марш и сказал, что Тинке был настоящим бойцом. Умник промолчал. Хотелось объяснить, что Тинке был не бойцом, а другом, да только что объяснишь Сержанту.

Тем временем Корректор исправно пыхтел и побулькивал. Волат разглядел сквозь муть технологического геля бледное тело девушки из спасательной капсулы. Спустился в подвал, где гудел куб генератора с древней табличкой: «КЛИПЕР «РАДУГА» ПОРТ ПРИПИСКИ 02-03-082-МАРС». Задумчиво постояв перед ним, поднялся на второй ярус, откуда был виден раскинувшийся внизу безбрежный папоротниковый лес, погубивший Тинке.

«Ей нужна еда», — сообщил Умник. — «У меня полно припасов», — ответил Волат. — «Она не сможет есть твои припасы!» — напомнил Умник. — «Точно! — сообразил Волат. — А где достать пищу для нее?» — «Где и всегда», — подсказал Умник, и Волат вспомнил инструкцию по выживанию.

«Я хочу взглянуть на прибор из ее кармана, — сказал Умник. — И вообще... я бы вынырнул». — «Не понял», — удивился Волат. — «Все ты понял», — рявкнул Сержант, и Волат действительно, понял.

«О! Все ясно, — ответил Волат. — Просто ты давно не просился, и я решил...» — «Да, ты решил, — сказал Умник. — Но сейчас лучше, если решать буду я». — «Пожалуй, ты прав, — поразмыслив, согласился Волат. — Сегодня?» — «Времени нет. Прямо сейчас», — сказал Умник.

Волат лег на пол и посмотрел в потолок, сложенный из папоротниковых стволов. Этот потолок был знаком ему до последней трещинки, но он смотрел в него и все никак не мог оторваться. «Ну же!» — поторопил его Умник. Волат закрыл глаза, сосредоточился и вспомнил, кто же такой он есть на самом деле. Это мысленное усилие помогало ему нырнуть, чтобы выпустить стремящегося наружу Умника. Некоторое время он колебался на самой грани, и вдруг в памяти появились запахи воды, эхо всплесков и сам он, совсем еще юный, на вершине десятиметровой вышки, а внизу бассейн. Прыгай! И Волат прыгнул, в полете вспомнив, что никакой он не Волат. Охотник. Он — Охотник. Быстро погрузившись в теплое и мягкое нечто, Охотник понял, как же страшно он за эти годы устал.

Розвет плавала в густом перламутровом киселе, ее руки лежали на груди крест-накрест. В рот был заправлен жесткий шланг, через который поступал воздух. Сначала ей показалось, что она в медицинском отсеке «Триллибоя», но потом она сообразила, что на яхте никого бы не стали подвергать таким странным процедурам. Спасательная капсула! Дым и холод! Четырехглазый монстр! Кто-то большой и сияющий! Где же она?! Ее кто-то сожрал, и теперь она в желудке расползается под воздействием кислоты? Она умирает, и это ее предсмертные видения? Да что же происходит, черт возьми!

Розвет попробовала шевельнуть рукой, но обе руки оказались намертво прихвачены к груди каким-то клеем. Вдруг кисель стал убывать, Розвет почувствовала твердое дно. Воздушный шланг отлепился ото рта. Она увидела прозрачную пленку, которой ее руки были приклеены к плечам. Зубами содрала пленку с левого плеча, освободила правую руку и тут же, орудуя правой рукой, освободила левую.

Абсолютно голая, она лежала на дне просторной продолговатой лохани, накрытой сверху матовым колпаком. Розвет приподнялась на колени и двумя кулаками стукнула в этот колпак.

— Минуточку, — глухо послышался снаружи мужской голос. — Сейчас разблокирую.

— Кто вы?! — крикнула Розвет.

— Я друг! — ответил мужчина. — Не беспокойтесь, вы у своих!

Ну и новость, человеки на Гекте! Колпак поехал в сторону. Розвет закрыла грудь руками. Колпак раскрылся полностью, и над краем лохани появилось лицо ее спасителя, увидев которое, Розвет истошно завизжала.

Вареное мясо пришлось есть руками, посыпая куски крупной солью, набивая рот и запивая водой. Это было неопишимо вкусно.

— Простите за царапины, — сказала она, утерев губы. — Простите, Волат.

— Да ничего, Розвет, — ответил Волат, трогая щеку. — На мне заживает быстро. Значит, говорите, никогда не видели биотов?

— Мне показалось, что вы человек. Ну там, когда вы пришли за мной, в лесу. Это же вы за мной пришли? Вы тут один?

— В некотором роде да, один, — согласился Волат.

Биот, искусственный организм с феноменальной приспособляемостью, был очень похож на человека, и это пугало. Высокий рост, руки до пола, плоское, даже как бы вогнутое лицо с широким носом, огромные глаза, уши на макушке, жаберные щели на морщинистой шее, ну и так далее.

— Если вы насытились, то давайте поговорим, — сказал Волат. — У нас, то есть у меня, масса вопросов...

— Мне нужна моя хаба-хаба, — сказала Розвет.

— Вы об этом? — Волат вынул из кармана искомый предмет.

— Ага. Дайте. Я должна связаться с Чинчу.

Волат покрутил в руках хаба-хабу и снова спрятал.

— У нас тут особое положение, Розвет, — сказал он. — Сначала вы мне все объясните, а потом я верну вам вашу вещь.

— Что за вольности, Волат! — возмутилась Розвет. — Ты же робот, так? Биологический робот!

— Если очень сильно упростить, то да, я регенерирующий, самообучающийся биологический робот-носитель, — ответил Волат. — Но ваши приказы не имеют примата над моей основной задачей.

— Это блеф!

— Нетрудно проверить.

— Волат, верни мою хаба-хабу! — потребовала Розвет, вскочив и протянув руку.

— Сначала ответьте на мои вопросы. Имейте в виду, я сразу пойму, если станете врать. Для установления истины я готов применить пытки.

— Что?! — гневно вскрикнула Розвет. — Пытки?! Да кто ты вообще такой?!

— Может, слышали о программе «Посев»?

— Нет.

— Четыреста лет назад Земля столкнулась с угрозой вторжения чужаков. Для спасения человечества была запущена программа «Посев». На потенциально пригодные к жизни планеты отправили экспедиции, чтобы заселить их людьми.

— Кем? — переспросила Розвет.

— Люди. Это самоназвание человеческой расы.

— А! Я вспомнила. «Люди» — это так раньше назывались человеки. Но о каких чужаках вы говорите?

— Мне совершенно точно известно, что четыреста лет назад на нашу цивилизацию напали чужаки, значительно превосходящие людей технически, — ответил Волат.

— Никогда не слыхала о чужаках, — удивилась Розвет. — Четыреста лет назад человеки встретили в космосе клиффов. Точнее, клиффы встретили нас.

— Кто это — клиффы? — поинтересовался Волат.

— Клиффы... ну... они невероятные, — сказала Розвет и почувствовала, как тоскует по Чинчу.

— Пожалуйста, опишите их, — потребовал Волат.

— Это так же сложно, как описывать закат, — уклончиво ответила Розвет. — И так же долго, как описывать историю человечества.

— Лично я никуда не спешу, — сказал Волат.

«Нужно посоветоваться», — заявил Умник.

Даже до комнат верхнего яруса долетали крики Розвет, которую Волат запер в подвале.

«Она темнит, — сказал Сержант. — Явно завербована клиффами».

«Охотник, ты с нами?» — спросил Умник.

«То есть она не спасалась, не боролась за жизнь? Прыгнула сюда, только чтобы напугать клиффов? — изумился Охотник. — Просто-напросто обратить на себя внимание ради какой-то выгоды?»

«Мне тоже жаль Тинке, — заметил Умник. — Но сейчас речь не о ее нравственных качествах. Все вы ее слышали. Ваше мнение — она врёт? Мне кажется, что не врёт».

«Врет!» — сказал Сержант.

«Нет, она говорит правду», — сказал Охотник.

«Клиффы — это и есть те самые агрессоры? — спросил Умник. — Мне кажется, что да».

«Да», — ответил Сержант.

«Да», — ответил Охотник.

«Клиффы — это враги людей? — спросил Умник и сам же ответил: — Мне кажется, что да».

«Да, — ответил Сержант. — Вздернуть на нее!»

Охотник молчал. Он напряженно думал. Он так долго владел телом Волата, что теперь две другие его личности чувствовали это умственное усилие.

«Четыреста лет назад клиффы уничтожили две наших колонии», — сказал наконец Охотник.

«Враги!» — взвился Сержант.

«Однако потом они захватили транспортник с беженцами и сильно переменились. Сейчас, как выяснилось, они помогают людям. Терраморфируют под них планеты, возят на своих кораблях, делятся своими технологиями, учат...» — продолжил Охотник.

«Девушка не знает про уничтоженные колонии, — напомнил Умник. — Возможно, они скрывают свое прошлое и истинные цели. То, чему они учат людей, выглядит странно и никчемно — облачные скульпторы!»

«Они поработают людей, развращают их умы! Они выжидают время для смертельного удара!» — воскликнул Сержант.

«Я не готов выразить свое отношение к клиффам», — сказал Охотник.

«Двумя голосами против одного клиффы признаны врагами», — подытожил Умник.

«Воистину!» — подтвердил Сержант.

«И последнее... — веско заявил Умник. — Что нам делать с Розвет, коль скоро она знает о нас и может навести сюда клиффов?»

«Надо оставить ее в лесу. Дым-трава сделает свое дело. Даже если клифф найдет ее труп, наше местоположение останется в тайне, — предложил Сержант. — Программа продолжается, у нас остались законсервированные эмбрионы, есть Корректор, мы добьемся цели».

«За четыреста лет не добились, — сказал Охотник. — Все же понимают, что ты, Сержант, совсем выжил из ума, а ты, Умник, не знаешь, как продолжать программу. Даже биот в программе остался лишь один, последний, — мы».

«Я голосую за план Сержанта», — сказал Умник, проигнорировав слова Охотника.

«Я тоже голосую за свой план», — заявил Сержант.

«Я голосую против», — сказал Охотник, терзаемый сомнением.

«Вздернуть коллаборациониста!» — вспылил Сержант.

«Помнишь, я обещал тебя уговорить?» — спросил Охотник.

«Мне кажется, ты устал, Охотник, — сказал Умник. — Некоторое время тебе лучше отдохнуть».

Охотник почувствовал ледяную коросту, которая начала охватывать его. Находясь у руля, Умник обладал гораздо большей силой, чем он.

«Заморозишь меня, как заморозил Пахаря и Учителя?» — спросил Охотник.

«Не сопротивляйся, — сказал Умник. — Я почти закончил».

Лед сковывал, погружая в дремоту. Нет ничего проще — забыться и уснуть, закрыться от мира безысходности, где все катится к поражению и гибели. Пусть Умник расхлебывает последствия своих поступков, а он, Охотник, поспит в уютном шарике, как умел спать Тинке, когда приходила зима и лес менялся к худшему. Охотник вспомнил дуб, под которым похоронил кота, и вспомнил укол когтей, которым Тинке закрепил договор о жабьей икре.

«Погоди-ка, — встрепенулся Охотник, очнувшись из полубытья. — Я передумал, Умник, у меня есть одно незавершенное дело...»

Волат спустился по лестнице и постучал в дверь, за которой рыдала Розвет. Плач тут же прекратился.

— Я принес твою хабу, только не дерись, — сообщил Волат.

Он выпустил ее из подвала, и они поднялись в комнату, где несколько часов назад шел допрос.

— Хабу! — крикнула Розвет.

— Потерпи.

— Я хочу есть! — крикнула Розвет. — И пить!

Волат достал тарелку с большим куском вареного мяса, солонку и бутылку воды.

— Опять мясо? — скривилась Розвет. — А есть фрукты?

— Есть. Но тебе их нельзя — местные фрукты ядовиты для человека.

Розвет молча съела мясо и хмуро посмотрела на Волата. Она уже не буянила.

— Как быстро прилетит за тобой клифф? — спросил Волат.

— Очень быстро.

— Я отведу тебя в одно место, отдам хаба-хабу, а сам уйду.

«Не делай этого, предатель!» — заорал Сержант.

— Договорились, — сказала Розвет.

— Взамен прошу тебя об одном — не сообщай клиффу о нас.

— Согласна, идем! — Розвет вскочила. — Ты же не обманешь меня, не запрешь опять в подвале?

— Не обману.

— Ты постоянно врешь! Местное мясо для меня не ядовито, а фрукты ядовиты?

— Мясо ты ешь не местное, — сказал Волат. — Ты привезла его с собой.

ФАНТАСТИКА

— То есть? — удивилась Розвет.

— Аппарат, в котором тебя лечили, Корректор, способен дублировать клетки. Я взял пункцию твоей мышцы и...

Розвет выпучила глаза и судорожно схватилась рукой за живот, сию секунду сдерживая рвотные позывы.

Маленькая месть за Тинке. Почти невинная.

Они вышли из дома и двинулись в сторону плоскогорья, на котором возвышались причудливые каменные грибы. Перебираясь через широкие скальные трещины, Волат брал Розвет на руки. Спустя два часа они оказались в удобном для посадки месте, откуда не был виден дом Волата.

— Тебя советовали убить, — сказал Волат.

— За что?! — ужаснулась Розвет.

— Кое-кто считает, что ты пособница врагов.

— Ты спятил с этими врагами! Нет никаких врагов! — выкрикнула Розвет, и слезы брызнули из ее глаз. — Клиффы и пальцем нас не тронут!

— Конечно, не тронут, — утешил ее Волат. — Любящие хозяева никогда не обижают своих питомцев.

— Что?!

— А то! Клиффы истребляли людей, пока не увидели их. Собственными глазами. Или чем там они видят. Теперь людей любят, лелеют. Балуют и везде берут с собой, — объяснил Волат. — От вас им никакой пользы. Они бы истребили всех, не окажись вы такими мусечками. Открой глаза, человек, посмотри внимательнее!

— Ты сумасшедший! — прошептала потрясенная Розвет.

— Ты даже не представляешь, насколько. — Волат протянул ей хаба-хабу.

Под дубом на могиле Тинке пробился крепкий черно-рыжий побег с единственной лохматой почкой на верхушке. Волат опустился на колени и стал ее изучать. Уже сейчас пронизательным взглядом он различал сложенные лапки и мордочку с четырьмя крохотными крупинками глаз.

«А побег превратится в хвост?» — поинтересовался Пахарь.

«Ага, — ответил Охотник. — С пробуждением тебя».

«Они убьют нас! — воскликнул Умник. — Чертов ты идиот! Она все расскажет, они вернутся и выжгут нас всех».

«О ком это вы?» — удивился Пахарь.

«Думаю, ты ошибаешься, Умник... — сказал Охотник. — Думаю, что ты ошибаешься. Но если ты прав, то так людям и надо».

